

Элла Озоле

РЕПЛИКА ДИОРА

(Уривки з книги)

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ ОТ МАМЫ

Начну, пожалуй, со своей мамы, Вороновой Анны Петровны. Родом она из села Дударово Витебской области. Родилась в семье белоруса и латышки.

Была совсем маленькой, когда пришли раскулачивать. Семья не считалась богатой. Просто, согласно разнарядке, нужно было кого-то раскулачить, и родители мамы попали в этот список. В хозяйстве, состоявшем из нескольких коров, овец и свиней, не было ни одного наёмного работника, справлялись сами.

В этот день дед куда-то уехал. Представитель сельсовета смотрел, что бы реквизировать. Видит – ребёнок лежит, закутанный в большой клетчатый платок. Вытряхнул ребёнка, а платок забрал. Всё это рассказывала мне бабушка Отилия Андреевна. Реквизировали всю живность, косу и борону, чем пахали землю.

Кулаков с семьями отправляли в ссылку на Урал. Мой дед, Воронов Пётр Прохорович, решил уехать в Донбасс, где в годы первых пятилеток строились большие заводы. Так семья моей мамы смогла избежать печальной участи других родственников.

Мамина семья дважды переживала голод. До сих пор она считает хлеб самой главной едой. О тех годах говорит: «Голод 1933-го не помню, а в 1947 году была страшная засуха. Она и послужила причиной голода. Мой отец работал на заводе им. Куйбышева, там давали паёк. Утром, перед работой, мы с отцом шли на речку Торец, ловили рыбу и сушили, а из голов варили похлёбку».

Когда мама училась в фельдшерско-акушерском техникуме, видела, как преподаватель во время лекции выбирает из кармана хлебные крошки и ест. Студентам давали одну буханку хлеба на несколько дней.

Еще ходили в Славянске в ресторан. Там можно было купить одну порцию жидкого (первого), чаще всего рассольник. Удивлялись: огурцы вареные плавают в супе! У нас такое блюдо прежде не готовили. К супу давали два кусочка хлеба. Жидкое съедали, а хлеб бережно несли домой.

Когда кто-то жалуется на жизнь, мама вспоминает, как тяжело было в годы войны и в послевоенные годы. Как сидели в битком набитых погребах во время бомбежек. Потом немцы всех, кого смогли найти, стали загонять в товарные вагоны. Мама прижимала к себе портфель с книжками, а бабушка вырывала его из рук и швыряла в погреб. Все, что успели схватить под дулами автоматов, надо было нести в руках. Но мама не могла расстаться с портфелем и, улучив момент, захватила его с собой.

Двери вагона закрыли проволокой. А тут налетели наши самолеты и начали бомбить товарный состав с военным снаряжением, стоявший рядом. Как выбрались из того пекла, мама не помнила. А портфель так и сгорел в вагоне...

Сразу после освобождения, в 1943 году, начались занятия. Никто не объявлял, дети сами сходились к школе. Сидели на кирпичках, ни парт, ни скамеек не было. Всем, что могло гореть, топили печки. Писали на бумаге, в которую заворачивали снаряды. Находили еще не промасленные куски, используя в качестве тетрадей. Чернила делали из сока бузины.

Сначала преподавали старшекласники, постепенно их стали заменять присланные учителя.

Большой проблемой была одежда. Решали её обычным для военного временем способом: снимали одежду с убитых (наших и немцев). Моей маме достались два обгорелых рукава от немецких свитеров. Один пепельного, а другой бурого цвета. Несмотря на разницу в цвете, из них получились замечательные, теплые чулки.

Вскоре в поселке открыли мастерскую, где перешивали для женщин и детей солдатские ботинки.

Однажды мы с мамой шли по улице и встретили человека, проводившего соцопрос. Он спросил у нас, что нужно сделать, чтобы в Украине жить стало лучше? Мама без заминки ответила: «Меньше воровать и больше работать!»

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К СЧАСТЬЮ

Эту историю поведала мне краматорчанка Наталья Федоровна. Её свекор и свекровь пережили концлагерь, нашли друг друга, потеряли и снова нашли...

Лида жила с родителями в Сталино (Донецке). Когда осенью 1941 года немцы заняли город, ей было 17 лет. Оккупационные власти приказали юношам и девушкам явиться с паспортами в комендатуру, для регистрации. В случае неявки – карательные санкции. Пришедших под конвоем загнали в товарные вагоны и повезли в Германию.

По дороге кое-как кормили. Позже они поняли, почему, - чтобы были силы работать.

Наконец, приехали. Поселили их в лагере при металлургическом комбинате. Особо не охраняли, так как понимали – далеко не убегут. Лида пыталась бежать два раза. Первый раз нашли с собаками, пригнали назад – и в карцер. Второй раз побродила по округе и вернулась сама.

В 1944 году девушке стал оказывать знаки внимания молодой немец. Лида была хороша собой и понимала, что он может забрать ее к себе из лагеря. Защиты, казалось, ждать неоткуда.

Однажды пожилой надсмотрщик отозвал девушку в сторонку и сказал: «Лида, решай: либо тебя заберет к себе эта бестия, либо ты должна выйти замуж за кого-то из своих парней. Петя Гура из соседнего барака давно на тебя заглядывается. Я с ним говорил. Ты ему очень нравишься. Он твой земляк и вообще неплохой парень...»

Лида слушала и не знала, что делать. Старик-надсмотрщик в Первую мировую войну был в плену в России, знал, каково на чужбине, и сочувствовал нашим парням и девушкам.

Говорит, что Петя хороший, но ведь она совсем не знает этого парня... Проплакав всю ночь, Лида утром дала согласие на брак. Старик принес из дома платье дочери и костюм зятя для молодых, нашел служителя церкви, который провел обряд бракосочетания. Было это 29 апреля 1944 года.

В бараке супругам отвели угол, и стали они жить, ожидая конца войны. В начале мая 1945 года у них родился сын. Роды принимал муж. Вскоре их освободили американцы.

Рядом с лагерем протекала река. На одной стороне находились американцы, на другой – советские войска. Американцы предлагали желающим остаться в их зоне. Тех, кто хотел вернуться в Советский Союз, предупреждали, что там их ждут репрессии. Но большинство, а среди них и Петя с Лидой, хотели на Родину. Их переправили через реку, к своим.

«Свои» сразу отделили мужчин от женщин, и начались допросы, в основном, по ночам. То, что у Лиды грудной ребенок, «своих» не волновало. Вопросы задавали одни и те же: «Как попала в Германию? Почему работала на немцев? Почему не совершила побег?»

Затем «освобожденных» женщин повезли на грузовиках к границе. Мужчин построили в колонны и пешком погнали в Белоруссию.

Едет Лида с ребенком в кузове мимо колонны и понимает, что где-то там Петя идет. Написала записку с домашним адресом, скомкала, бросила в толпу. И хотите - верьте, хотите – нет, но Петя эту записку поймал...

Пересекли границу. Женщин и девушек загнали в вагоны и повезли на Родину. Во время стоянок «свои», не церемонясь и никого не стесняясь, насиловали освобожденных прямо на насыпях.

Добралась до родного города, нашла родителей, рассказала историю своего замужества. Поверили ей или нет, но отец посоветовал: «Ты, дочка, никому не говори. Что у тебя ребенок».

Лида решила ехать к родителям мужа, узнать, нет ли весточки от Пети. Нашла их, но встреча вышла невеселой.

Засомневались родители: мало ли что говорит эта женщина с ребенком. Может и не жена она вовсе их сыну.

Не узнав ничего о муже, Лида вернулась к родителям. Те посоветовали ехать в Краматорск, к родне. Там Лиду никто не знает, а значит, и вопросов лишних задавать не будут.

Приехала она в Краматорск, а вечером того же дня умер сын. Завернула бездыханное тельце и поехала домой хоронить. А люди все удивлялись: «Что за ребенок? Спит и спит...»

Со временем Лида устроилась на работу, уже ни на что не надеясь: сын умер, где муж – не известно.

А Петя, пока пешком до Белоруссии дошел, совсем занемог. Ноги распухли так, что пришлось лежать в госпитале. Это его и спасло. Остальных повезли в Сибирь отбывать срок за то, что работали на немцев.

На соседней койке в госпитале лежал капитан. Разговорился он с Петей и предложил служить в своей части. «Только никому не рассказывай, где ты был», - предупредил капитан. Да еще оказался этот добрый человек Петиним земляком. Ехал в отпуск и его с собой взял. Так через полтора года после разлуки супруги встретились, расписались и уже вместе уехали по месту службы Пети.

Вызывает как-то Петра капитан и говорит, что особый отдел начинает интересоваться личными делами служащих, кто да откуда. Подсказал, как демобилизоваться.

Вернулись Лида с Петей домой. И хотя до войны Петя учился в техникуме, пошел «на лопату». Со временем стал начальником проходки в шахте, где и проработал 25 лет. Родилось у супругов ещё двое детей. И только через много лет они рассказали детям, как испытывала их жизнь.

СУДЬБА КАК ИСТОРИЯ

Ольге Антоновне Таранухе исполнилось 88 лет. Очень хочется рассказать о ее жизни, хотя она не депутат и не банкир. Многие из того, что дети изучают в школе на уроках истории, было в ее судьбе.

В начале 30-х годов в село Черкасское Славянского района переехала из Черниговской области семья: отец, мать и две дочери. Отец, Антон Тарануха, стал работать коногоном на мелоизвестковом заводе, жена занималась хозяйством, а девочки ходили в школу. В 1938 году отца арестовали, больше семья его не увидела. Нелегко жить с клеймом «дети врага народа», а что такого вражеского совершил коногон Антон Тарануха – никто не объяснил.

В 1941 году Ольга закончила 7 классов и даже поступила в ФЗУ (так раньше называлось профтехучилище), но учиться не пришлось: уже в сентябре немцы заняли село.

Как жили, что ели, чем топили печку две суровых зимы – об этом можно написать повесть. Село несколько раз освобождали наши, и снова оккупировали фашисты. В апреле 1943 года по дворам стали ходить полицаи и объявлять, кого угонят в Германию. Многие за столько лет забылось, но отдельные эпизоды Ольга Антоновна помнит так ясно, будто было это вчера.

Большинство родителей, провожая детей, не надеялись увидеть их живыми. И только мама Шуры Чаус сказала: «Їдь, доню, хоч світу побачиш!»

Погрузили их в пульмановские вагоны и повезли на сборный пункт, в Сталино. Дали на обед прокисший суп. Одна девушка, попробовав, запричитала: «Ой, мамочка, знала бы ты, чем нас здесь кормят!» На нее прикрикнула надсмотрщица, и все поняли, что испытания только начинаются.

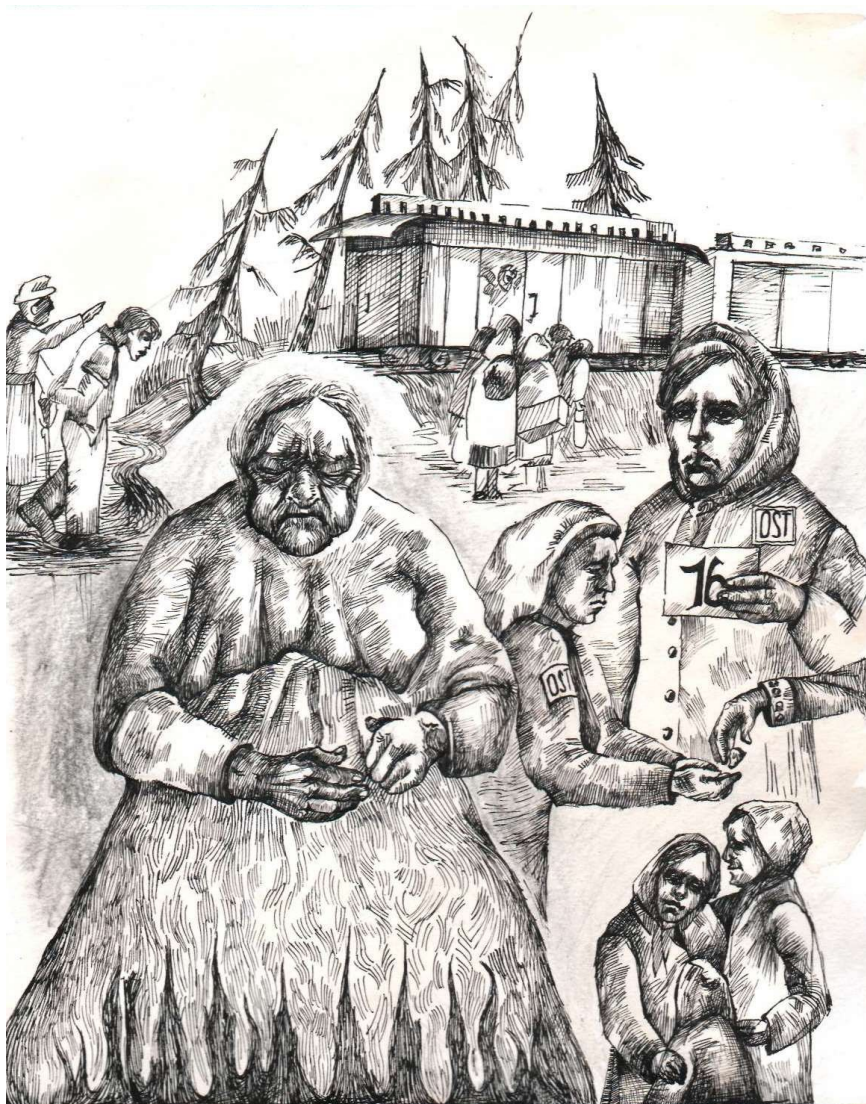
Ехали больше недели. Привезли их в австрийский город Штайр. В трудовом лагере каждому присвоили номер, сфотографировали и дали нашивку «OST».

Работали по 12 часов на автомобильном заводе, кто на станках, кто на прессах. Присматривали за рабочими старики и калеки – почти все здоровые немцы призывного возраста были на фронте.

Больше всего страдали от голода. Кормили более чем скудно: утром 200 гр. хлеба и несладкий эрзац-кофе. На обед суп из брюквы и немного каши. На ужин плеснут баланды на дно миски – и все. Засыпали с мыслью: дожить бы до утра, когда дадут хлеба.

Сначала на работу ходили под конвоем, потом немцы поняли, что бежать рабочим некуда, и уже не сопровождали их. В конце войны стало не так строго, могли ходить за 20 км. просить милостыню у бауэров. Правда, не позволяли выходить за территорию без нашивки «OST». Кого увидят без нашивки, наказывают. Однажды досталось и Ольге. Заставили перестирать все одеяла и грозили концлагерем, который был через дорогу.

Наконец, лагерь освободили советские войска. Встречали их с радостью и надеждой поскорей вернуться домой. Но нелюди встречались и среди наших...

Перед отправкой собирали рабочих из разных лагерей, длилось это не один день. По пути к пункту сбора пришлось заночевать в покинутом доме. Ольга и еще несколько человек расположились на втором этаже, потому что на первом уже спали другие девушки. Ночью подъехал грузовик с нашими летчиками. Пьяные и веселые, они вошли в дом и стали насиловать девушек, не обращая внимания на мольбы и крики. «Вы все под немцами были,- говорили «освободители».

На Родину возвращались в открытых вагонах, в которых уголь возят. Пути еще не все были восстановлены, поэтому ехали медленно. Этим пользовались мародеры, опять-таки «наши». Двое-трое заскакивали в вагон, наставляли на девушек оружие и вырывали из рук узелки и чемоданчики с нехитрыми пожитками.

Дома были мама и сестра. Кто-то из ранее приехавших сообщил, что Ольга жива, и ее с нетерпением ждали родные.

Отношение земляков к вернувшимся из Германии было неоднозначным – часто Ольга слышала в свой адрес ехидный шепот: «Вон, немецкая подстилка пошла». Это было очень обидно, ведь, пройдя невыносимые испытания, она осталась девственницей.

Страна поднималась из руин. Нуждался в квалифицированных кадрах НКМЗ. Ольга Антоновна проработала на заводе до самой пенсии, и, не смотря на трудную жизнь, она не разуверилась в людях.

ЗДРАВСТВУЙ, БАБУШКА!

Дуся – это бабушка моего мужа. Всей семьёй (я, муж и дочка Маша) мы едем к Дусе с визитом вежливости. Лично я ничего не имею против бабушек – старики и дети всем родня, но решение о поездке встретила без энтузиазма. И вот почему. Недавно свекровь поведала историю о ремонте в Дусином флигеле.

Дело было зимой. Вскоре после смерти дедушки Дуся объявила двум дочерям, что ей одной в доме страшно, поэтому во флигеле СРОЧНО надо сделать ремонт – она туда квартирантов пустит. Как ни убеждали бабушку, дескать, зима – не самое лучшее время для ремонта, Дуся постановила: пусть хоть камни с неба, а ремонту быть.

Не буду вас утомлять подробностями этого мероприятия, скажу только, что дочери, приняв задачу к исполнению, за зиму её выполнили.

- Всё, мама, можешь пускать квартирантов, - сказали чада, сдав объект.

- Ну, уж нет! Они мне всю красоту зачадят, закоптят, затопчут. Лучше я на него любоваться буду, а летом внук с женой и правнучкой приедет, во флигеле им отдыхать сподручней.

И вот мы едем Дусю проведать, Машу показать и во флигеле отдохнуть. Выдвинулись пораньше, потому что «тополиный пух, жара, июль». В девять утра вошли во двор.

- Здравствуй, бабушка! – сказали мы хором.

- Как хорошо, что вы приехали, поможете телевизор разобрать, - обрадовано воскликнула Дуся.

Муж разделить её радость был не готов.

- Какой телевизор? – мрачно спросил он.

- Старый. Иди, сейчас мы его вынесем, в тенёчке пристроим и быстренько разберём. А я на металл отнесу.

Муж решил не сдаваться:

- Дуся, ну, сколько ты за рухлядь выручишь? Ерунду. Давай я тебе за него в четыре раза больше дам, а телик просто на свалку выбросим.

- Нет, внучек. Деньги дашь – это хорошо, положи вот сюда, мне в карман. А телевизор – не рухлядь, там цветнина, - ответила Дуся. Последнее слово она произнесла так, будто речь шла о копиях Соломона.

Разыскав скамеечку, я молча принялась отвинчивать детали. Чуть позже ко мне присоединился муж. Солнце припекало. Два раза нам приходилось передвигаться в тень, заодно перетаскивая скамейки, детали и то, что ещё осталось от телевизора.

Не прошло и полутора часов, как злополучный телевизор был разобран. Даша, побродив по двору, унеслась в сад. « Ну, сейчас нас накормят, потом можно и во флигеле отдохнуть», - сказал муж. Он позвал Дашу. Даша прибежала с яблоком в руке. Как оказалось, это было ошибкой. Дуся увидела яблоко и запрочитала:

- Дождик-то забыли, когда и был... Яблочки от засухи сыплются... Не по-хозяйски это, собрать бы...

Услышав камлание, мой муж подхватил корзинку и молча пошёл собирать яблоки. Да последует жена за мужем своим, как нитка за иголкой..., и я последовала.

В четыре руки мы завершили сбор довольно быстро и пребывали в абсолютной уверенности, что заслужили право на обед и отдых. Поставили ёмкости, разогнули занемевшие спины и увидели Дусю. Она поставила перед нами таз ведра на три и вручила ножи. «Я к Марии с предложением, я на выдумки мастак...», - не к месту процитировал Высоцкого муж. Яблоки совершенно необходимо было срочно нарезать козам. Во-первых, сочный корм, и «чтоб не пропали». Мы нарезали.

Тут я осмелела и внятно спросила у бабушки на счёт поесть.

- И то правда, солнце уж вон где, а вы с утра не евши, - легко согласилась Дуся.

- Давайте яичницу пожарим на сале, - предложила я.

- Та шо та яичница! Мы сейчас с тобой пельменей налепим. А ты, внучек, пока у коз почисть да у кур в сарае.

Одна мысль, возникающая в голове Дуси, рождала следующую и вызывала к жизни воспоминания о славных комсомольских буднях, субботниках и прочих прелестях, которыми так богата молодость.

Внучек тем временем остервенело ковырял навоз, напоминая Геракла в авгиевых конюшнях, и вздумай этот герой с ним тягаться, мой муж вышел бы победителем. Я решила больше не следовать за мужем, как нитка за иголкой, – в конце концов, это ЕГО бабушка!

Налепила пельменей и решила привлечь внимание Дуси к правнучке, за которой она якобы соскучилась.

- Бабушка, вы хоть с Машей посидите да посмотрите на неё.

- А чего на неё смотреть – Маша как Маша, - откликнулась Дуся, гоняясь за непослушной курицей.

Когда несущка была поймана, Дуся пошла на задний двор принимать работу.

- Ой, а тут, оказывается, асфальт есть! - радостно удивилась она.

- Ну, а теперь..., - проговорила бабушка...

Сразу скажу, закончить ей не удалось. Мы с мужем, не сговариваясь, хором вспомнили о тех неотложных делах, которые ждали нас дома. Я даже удивилась нашему единодушию. Муж наспех смыл сарайное амбрэ, и через пять минут мы были готовы.

Ещё четверть часа пришлось уговаривать Машу. Она завела тесную дружбу с козами, а Дуся, вдобавок, разрешила ей вынимать яйца из гнёзд. Короче, ребёнок наотрез отказывался покидать сей благословенный уголок.

Уж не припомню, как мы разрулили ситуацию, кажется, пообещли купить марокасы. Зато чувство глубокого удовлетворения, которое мы испытали, усевшись в автобус, я не забуду никогда.

Муж и дочка от избытка впечатлений впали в глубокий сон, а меня донимали мысли о том, как это прежде я не понимала значение фразы «чувство глубокого удовлетворения». Помню, во времена Союза в газетах то и

дело мелькало: «С чувством глубокого удовлетворения встретили трудящиеся». Был ли это указ какой-то или решения очередного съезда – неважно. Для меня фраза оставалась пустым звуком, клише, и только визит к Дусе наполнил её смыслом.

С тех пор у нас с мужем есть пароль на все случаи в жизни. Произносится к месту и не к месту, да и понятен он только нам. Если возникает необходимость выразить своё возмущение, разочарование, удивление и прочие эмоции, мы просто говорим: «Здравствуй, бабушка!»

17 января 2010 года

КАК УМИРАЛА БАБУШКА ШУРА

Жила-была бабушка Шура. Семейная легенда гласила, что когда-то училась она в институте благородных девиц, поэтому иногда её «пробивало» на хорошие манеры. Проявлялось это по-разному. Например, пересыпала речь словами из прошлой жизни. «Сударыня, что же Вы мне пенсию поздно принесли? Я же на рынок теперь не успею!» - пеняла бабушка почтальонше Зине. На «сударыню» Зина обижалась: «За что Вы меня ТАК? Деньги только час назад привезли».

Внуку, заигравшемуся в футбол, Шура строго говорила: «Милостивый государь, пора и честь знать! Марш за уроки!» Потом садилась в кресло-качалку, курила пахитоску и рассказывала о фамильном серебре.

Однажды бабушка Шура позвала дочку и объявила: «Я буду умирать». Сказано было без восклицательного знака, спокойно, но твёрдо, как о деле совершенно решённом.

В семье к Шуре относились почтительно. Она говорила соседкам: «Невестка меня уважает» или «Зять со мной считается». Любила бабушка выпить стопку водки за обедом «для аппетита» или домашней наливки, «чтоб спалось лучше». Хранились эти вспомогательные средства в буфетном шкафчике, достаточно высоко. Наливка – в старинной бутылке тёмного стекла, водка – в графинчике одного с бутылкой возраста. О самом буфете тоже нужно пару слов сказать. Это Шурино приданое. Отец заказал буфет знатному краснодеревщику. Сначала мастер нашёл в лесу сухие груши, срубил их и еще два года сушил в сарае.

Потом за три месяца изготовил буфет с резными дверками и полочками для посуды. Как изделие пережило военное лихолетье – уму непостижимо! Золотисто-розовый буфет Шура дважды в год натирала скипидаром и воском. Прежде она до самого высокого шкафчика дотягивалась, а с годами рост её уменьшился («вниз расту», говорила), и чтобы достать бутылку или графин, приходилось подставлять ослинчик – маленький табурет.

Ещё у Шуры была привычка подробно рассказывать о незнакомых людях так, будто все остальные их тоже знали. Например, говорит Шура внуку:

- Я у бабы Насти пять крышек для закрутки брала. На вот, отнеси ей да «спасибо» скажи!

Внуку бы взять эти крышки, спросить у матери, какой бабе Насте, и отнести по адресу. Но внук, думая о чём-то своём, опрометчиво уточняет:

- Какой бабе Насте? Что возле магазина живёт?

- Да нет! Возле магазина – баба Нюся, у которой мы груши покупаем. Она их на чердаке в сене держит. К декабрю вылежатся – сладкие, как мёд! А баба Настя под горой живёт, где Федька-хромой коз привязывает.

- Федька-хромой? – переспрашивает внук, силясь вспомнить этого самого Федьку.

- Ага, Федька! У него ещё жена Валентина, медсестра в амбулатории. Помнишь, она тебе укол делала, когда ты в речке весной купался и заболел?

- Не помню, - отвечает этот Кандид Простодушный.

- Как не помнишь? Аккурат, на 1-е мая! Гришка, Ивановны сын, из Норильска приехал. У вас, говорит, жара, купаться впору, а у нас снег лежит.

- Из какого Норильска? – обескуражено вопрошал внук.

- Из какого, из какого?- передразнила бабушка Шура. – Что на Севере! Гришкина невеста за евойного дружка как замуж выскочила, так он в Норильск на заработки и подался...

Это был натуральный сюрр! И мог он продолжаться до бесконечности. На поворотах замысловатого сюжета мелькали медовые груши, бывшие невесты, Федька с козами, медсестра с уколами, а искомые крышки бесследно терялись в глубинах повествования.

Но вернёмся к Шуриной объаве. На семейном совете было решено: гроб заранее покупать не будут, а вот оградку на заводе закажут. Поставят потом в гараж, готовую, пусть дожидается.

Бабушку Шуру старались ничем не огорчать в её последние дни. По комнатам ходили тихо. Ночевали в доме или сын с невесткой, или зять с дочкой. Однажды, когда все заснули, часа в два ночи раздался страшный грохот, звон разбитой посуды, стон...Дочка с зятем кинулись в комнату бабушки Шуры. Глядь – нет её в кровати. Метнулись в кухню. Щёлкнули выключателем. И предстала перед ними картина Репина «Не ждали». Шура висела на буфете, ухватившись руками за дверки. Ноги болтались в воздухе, тщетно пытаясь нащупать опору. На полу валялся перекинутый ослинчик и брызгами вокруг - разбитая посуда.

Вы, наверно, представили, как, жмурясь от яркого света, бабушка Шура зовёт на помощь? Вот и не угадали! Она сказала: «Доча, тут, в шкафчике, всегда наливка стояла. Ты что, переставила? Я заснуть не могу!»

«Мама! Чтоб Вы были живы!» – крикнул зять. И, помолчав, добавил: «Скажите мебельному мастеру спасибо. Хрен бы Вы на НОВОМ буфете удержались!»

Человек, подаривший эту историю, не смог сказать, сколько ещё прожила бабушка Шура, но что оградка в гараже проржавела, и её выкинули за непригодностью, помнит точно.

31 июля 2011 год

БОЛИД ПО ИМЕНИ ЛЮСЬКА

Если бы государство Израиль знало Люську, не исключено, что сам премьер нанялся бы к ней в группу сопровождения. Во избежание... так сказать. Но израильская разведка Моссад, видимо, отвлеклась на какие-то текущие проблемы, типа арабских террористов-смертников, и Люська влетела в землю обетованную, как болид. «Влетела» - потому что самолетом. «Как болид», потому что - Люська. Еще бы! У нее там дети. От первого брака. Пожить решили. И внучка любимая.

Наш человек за границей – явление никем не изученное, потянет не на одну диссертацию по психологиям-социологиям. Попав на чужбину впервые, бывший homo soveticus сначала обалдевает. А потом адаптируется. Иногда со скоростью, близкой к скорости света. Как Люська.

Дети занимали квартиру в новом четырехэтажном доме. Зашли в уютный дворик. Сын, проследив за Люськиным взглядом, строго предупредил:

- Смотри мне, с мусорки в дом ничего не тащи! Наша семья тут на хорошем счету – не позорь меня перед соседями!

- Тю, ты шо!? - искренне удивилась Люська, жадно шаря глазами по этой самой мусорке.

А там, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. Пылесосы, телевизоры, холодильник («совсем не поцарапанный и цветом под обои на кухне»). Правда, мечту о холодильнике пришлось убить в зародыше:

слишком высокий, такой не спрячешь в квартире сына. А он...

Дальше Люська даже думать не стала, что сделает сын с ней и с холодильником. И так ясно: обоим наступит неприятность. Зато микроволновка... Добрые люди выставили ее вместе с коробкой. Долго ли коротко, но дождалась Люська своего часа. Сын пошел принимать душ перед вечерней сменой, а Люська с невесткой притащили агрегат («сенсорная, никаких тебе кнопок») и еле-еле успели затолкать за диван.

- Мать, что уже притащила? – грозно осведомился сын из душевой кабины.

Вступать в открытую конфронтацию не входило в расчеты Люськи. И отнюдь не по причине мирного характера. Просто за те восемь недель, которые ей предстояло пробыть в стране, еще восемь раз будет пополняться мусорка всякими нужными вещами. Сын через час уйдет на работу. Нужно этот час где-то переждать.

Сказала невестке, что идет побродить по супермаркету, и вскочила в неслышно скользящий лифт. Сын названивал каждые пять минут, но мама ответила только, когда, по времени, он должен был уже работать.

- Короче, отнесешь туда, где взяла! – расвирепело чадо.

- Хорошо, отнесу, - легко согласилась Люська.

И отнесла. В соседний дом, где жила бывшая свекровь со своим сыном - бывшим Люськиным мужем. За

месяц квартира свекрови превратилась в филиал той самой свалки.

Но как отправить сокровища на Родину? Оказалось, легко. Сожительница бывшего поведала, что есть такая служба, доставит грузы в контейнере морским путем в любую точку СНГ. Люська засомневалась. От моря до города, где она живет, хороших триста километров. «Не бойсь, доставят по адресу», - заверила нынешняя жена бывшего мужа.

Заверения настолько вдохновили Люську, что вскоре свекровь, бывший муж и его обоже передвигались по квартире исключительно боком. При этом, Люську все любили, радовались ее приходу и приносу каждой новой (со свалки) вещи. В общем, дьявол-искуситель, по сравнению с Люськой, – практикант заводской столовой.

Дни летели незаметно. Однажды в дом пришли арабы. Невестка объяснила, мол, будут краны менять. По Люськиному разумению, менять их было решительно незачем: они не текли, не капали, не дырчали. В общем, хорошие краны. Арабы ловко делали свою работу, а Люську волновало, куда сантехники денут старые (то есть, совершенно замечательные!) краны. Хорошо, если в мусор выкинут – она быстро вытащит. А вдруг с собой заберут? Может, тут так принято?

Мысль о том, что краны могут ей не достаться, мешала Люське адекватно реагировать на действительность. « Попрошу их оставить, арабы что, не люди?» - рассуждала Люська. Но как попросить? На каком языке? С английским у наших людей, обычно, никак или еще хуже.

В юности Люська увлекалась группой «Beatles». В памяти всплывали слова: yesterday, yellow submarine, но все это было не в тему. И невестка, как назло, унеслась на работу. «Господи, ну что же делать?! Уйдут краны вместе с арабами, как пить дать», - и Люська стала изъясняться с арабами жестами, мимикой и телодвижениями, разбавляя речь словами: please и o'key.

Сантехники искренне пытались понять, чего же добивается от них госпожа. Даже взмокли. Наконец, после длительных потуг, стороны пришли к взаимопониманию. Люська получила желанные краны, арабы успокоились, а один из них, пошуровав в недрах своего рабочего чемоданчика, извлек оттуда еще два крана и одарил ими совершенно обалдевшую от счастья Люську. При этом, арабы часто употребляли интернациональное слово collection. Видимо, приняли хозяйку за женщину, коллекционирующую водопроводные краны, что не удивительно. Мало ли чего люди собирают...

Потом было братание народов. Люська накормила арабов борщом, предварительно угостив перцовкой...

Вечером домочадцы застали «картину маслом». Люська сидела между двумя арабами, показывая фотографии многочисленной родни. Каждый говорил на своем языке, и все понимали друг друга.

За два дня до отъезда Люськи, невестка услышала за дверью какую-то возню. Отворив дверь, увидела запыхавшуюся свекровь. Она держала поперек себя сушилку, новую, запечатанную в прозрачную пленку.

- Купили?

- Та не...там...стояла... возле забора.

- Где, где? – переспросила невестка, почему-то изменившись в лице.

- Ну... там, - неопределенно махнула рукой Люська, втаскивая сушилку в комнату.

- Мама, это ЧЬЯ-ТО сушилка! Новые соседи сегодня въезжали. Вещи постепенно заносили. Сейчас, поди, сушилку ищут.

- Что же теперь делать? – испугалась Люська.

- Несите назад.

- Не понесу. Стыдно. Давай так: если придут – отдадим, а не придут – мне останется.

Никто не пришел. Сушилка заняла свое место в контейнере и малым ходом, по морям по волнам, отравилась в путешествие вместе с другими приобретениями.

Сидя в уютной Люськиной кухне, я слушала эмоциональный рассказ подруги. Потом она устроила экскурсию по квартире, где каждая вещь «как тут и была».

«Сын меня пугал: краны не подойдут, сушилка на балконе не встанет... Все подошло, все встало – я же говорила...»

Прага, 20.04.2008 г.

ПОДВИГ ТАНКІСТА

- Діти, сьогодні пишемо переказ. Назва – на дошці. Перший раз читаю – ви слухаєте, другий – щось занотуєте, третій – пишемо.

- А четвертий? – хтось із задніх рядів, просто, щоб часу менше залишилось – тоді додому віддадуть дописувати.

- А четвертий - тільки для «особливо обдарованих». У нас же таких нема? Нема. У нашому класі тільки обдаровані діти.

Переказ на військово-патріотичну тему. Радянський танкіст потрапив у полон. У таборі, коли трохи оклигав, вороги запропонували дещо, від чого важко було відмовитись. Дають танк Т-34, знайомий йому до гвинтика, і гасає на цій машині полонений туди-сюди полігоном. А фашистські артилеристи намагаються влучити в рухливу мішень із гармат. Така собі гра. За відмову брати в ній участь – розстріл. А от якщо погодиться та ще залишиться живий, відпустять.

Танкіст довго не думав. Погодився. А що тут думати? Вибір невеликий. Заліз у танк і рушив. Але вирішив докорінно змінити правила гри, не попередивши, звичайно, фашистів. Замість того, щоб чекати, коли почнуть шмалять по танку, герой розвернув бойову машину просто на гармати. Знищивши їх разом з обслугою, Т-34 на швидкості прорвався крізь загорожу і зник.

Текст прочитано. Проблемні слова на дошці записано. Я була певна того, що всі напишуть. Завдання

легке для сприйняття, у класі багато хлопчиків, та й дівчатка більш-менш начитані.

Перевіряю роботи. Результат передбачуваний: хто як слухав, так і написав. Раптом читаю й очам своїм не вірю! Написав хлопець. Начебто слухав і розумів. Я була спантеличена й розлючена водночас.

Наступного дня одних похвалила, інших посварила за помилки.

- А тепер, діти, прошу уваги! Хочу вам зачитати уривок з переказу одного хлопчика: «Т-34 сів у танк і РУХНУВСЯ. Подавив їх усіх на трибунах і втік!»

Сьогодні вже не пригадаю, хто більше реготав: учителька чи діти. Коли вщух регіт, я, витираючи сльози, промовила: «Не знаю, як Т-34, а я з вами точно рухнусь!»

ПОМАРАНЧІ ДЛЯ ОТИЛІЇ

Мені пощастило: одержала профспілкову путівку. Куди б ви думали? На турбазу біля Чакви. Це невеликий присілок поблизу Батумського ботанічного саду.

Разом із чотирирічною донькою ми купалися досхочу в морі, милувалися екзотичними красвидами, і все це, уявіть, у червні! Кажу ж, пощастило. Мінорної ноти додавала відсутність чоловіка (був далеко і ще довго не міг до нас приєднатися).

Уроджений грузин, він мав численну рідню, до якої ми, повертаючись додому, заїхали на гостину в Сухумі.

Чарівне місто! Хто хоч раз відвідав його, підтвердить, що кращої кави, ніж там, годі було й шукати. Перед тим, як насипати мелену каву, у турку нерідко клали подрібнений і ледве підсмажений часник. Замість цукру – мед. Потім додавали воду, занурювали посудину в розжарений пісок і чекали, поки з'явиться пінка. Треба встигнути підняти турку, щоб пінна шапка трохи опустилася. І тільки коли втретє утвориться над туркою густе коричневе диво, кава вважається готовою. Її розливають у маленькі філіжанки, а піна ще деякий час там домінує. Смакують каву маленькими ковтками, запиваючи холодною водою.

Хто там соромливо стоїть осторонь і заздрісно слухає мою оповідь про чорну сухумську каву «а-ля турка»? Це сучасні кавомашини. І нехай сьогодні в них засипають різні сорти кави, і нехай у кав'ярні вам запропонують каву «лате», «американо» або «повіденськи», далеко, як кажуть, куцоу до зайця!

У Сухумі тих часів було і куди піти, і на що подивитися, та ми з донькою нікуди, крім моря, не ходили. Нам було затишно біля чуйних, доброзичливих людей. Марина, дружина чоловікового брата, пекла смачні рулети. Бабуся Дзаба, царство їй небесне, допомагала куховарити. Ніколи не бачила стареньку без діла. То просіває кукурудзяне борошно для гомі (мамалиги), то дрібно-дрібно кришить відварені телячі тельбухи, щоб приготувати якусь національну страву.

До столу подавали сухе домашнє вино і сулугуні. Це, так би мовити, константа, альфа й омега.

Майже щодня приходили родичі – двоюрідні і троюрідні брати з дружинами. Я так і не спромоглася достеменно запам'ятати їхні імена і розібратися, «хто

кому Вася». Донька, навпаки, безпомилково розрізняла хто - сват, а хто – брат і не сплутала жодного імені. Ну, що ж, з роду не в воду, а в рід.

І от серед цієї пасторальної ідилії одного ясного ранку я побачила павука... Здоровенний, він був чорний і волохатий. Упевнена, страховисько сиділо й чекало, поки його побачать. Злякавшись, замахнулась на павука віником. Реакція в нього була миттєва: зник у шпарині між рамою і стіною. Опитала всіх присутніх – ніхто павука не бачив. Ніхто, крім мене! Так он воно що: це – прикмета. Чорна мітка. І означає вона, що моя хвора бабуся збирається полишити цей світ.

Треба повертатися додому. З важким серцем кинулась пакувати речі. Якимось дивом дістала квитки, і ввечері ми з донькою вже сиділи у швидкому. Їхати майже добу. Щось розповідаю дитині, а думки товчуться навколо бабусі...

Звали її Отилія. За національністю – латишка. Доля склалася драматично. Матір її, Магда, тобто моя прабабуся, вийшла заміж всупереч волі батьків за якогось революціонера. Після поразки революції 1905 р. він емігрував до Америки, покинувши дружину напризволяще. Народивши 1906 року доньку, Магда залишила її в рідної сестри зовсім маленькою. Казала – тимчасово, а виявилось – назавжди.

Одного разу Магда навідалась до сестри, привезла подарунки двом племінницям. Сестра запитала:

- А Тилі що привезла?
- Нічого, - відповіла Магда.

На біду, маля сховалось під ліжку і все чуло. Тітка дала якусь іграшку, сказавши, що це подарунок від мами. Та дівчатко мовчки, без сліз, відштовхнуло цяцьку і вибігло з кімнати. Маленьке серце сповнилося ненависті до рідної матері, що зрадила. За довге життя Отилія матері так і не пробачила.

Магда прожила більше 70 років. Отилія ніколи не зробила жодної спроби розшукати матір. Тільки дорослою мені випадково довелося дізнатись ім'я прабабусі. А сталося це так.

Придбали ми собаку, думали, як же назвати. Я запропонувала – Магдою. І раптом бабуся, яка ніколи й ні в чому мені не відмовляла і завжди потурала моїм витівкам, тихо промовила: «Не треба – Магдою. Так звали мою матір».

А доля продовжувала збиткуватись над Отилією. Тітка своїх донечок учить куварити, плести гачком і на спицях, а племінниця – біля худоби, за наймичку служить. Чого сама підгляне, того й навчиться.

Згадую, сидить, було, телевізор дивиться, а сама такі рукавички візерунчасті на п'яти спицях плете, що ні в кого нема, тільки в мене. І шити вміла, і взуття зробити. Називали взуття – «коти», я в молодших класах у «котах» до школи ходила.

Квіти бабуся дуже любила. Мала на них легку руку. Не тільки навесні – серед спекотного літа пагоніць маленький у землю ткне, а він росте. По листю жоржин визначала, якого кольору чи форми буде квітка, яка ще й у пуп'янок не в'язалась.

Відбулась революція 1917 року, громадянська війна вихором проминула. Почали Совети до хазяїв придивляться. Накинули оком на господарство родичів Отилії. Як під утиски не потрапити? Треба з новою владою поріднитись. І поріднились: віддали сироту за червоноармійця. Тепер більшовикам до господарства – зась!

Багато ще було нерадісного в житті моєї бабусі. Із чотирьох дітей залишилась тільки моя мама – інші померли. Щоб уникнути вступу до колгоспу, швиденько розпродали все і виїхали на Донбас. А як війна почалась, дідуся одним з перших на фронт відправили, бо приїжджий. Усю Європу - пішки. Звільняв від фашистів і Будапешт, і Прагу, і Відень. Додому привіз оклуночок борошна, шовку парашутного дружині й доньці на сукні та австрійський велосипед, що ним нагородили за виконання якогось завдання (про це було написано в супроводжувальному папері). Хоч тут щастя усміхнулось Отилії – не вдова. І знову - важка праця.

Нелегке життя, та й те добігало кінця...

Устигла я. Бабуся вже не вставала. Два бажання було до мене в Отилії. Перше – щоб у Латвію з'їздила і привезла звідти землі на її могилу. А друге... попросила бабуся апельсинів. Вона, напевно, їх ніколи й не куштувала, а от перед смертю наважилась попросити.

«Ну то й що? Чи й не дивина – апельсини! Пішов – купив!» - скажете ви. Сьогодні – не дивина. Можна купити і турецькі, і марокканські, і заокеанські, а тоді, у 86-му...

Оббігала я все місто – нема. Жодного! Корисних зв'язків з потрібними людьми не мала, а в магазинах, на

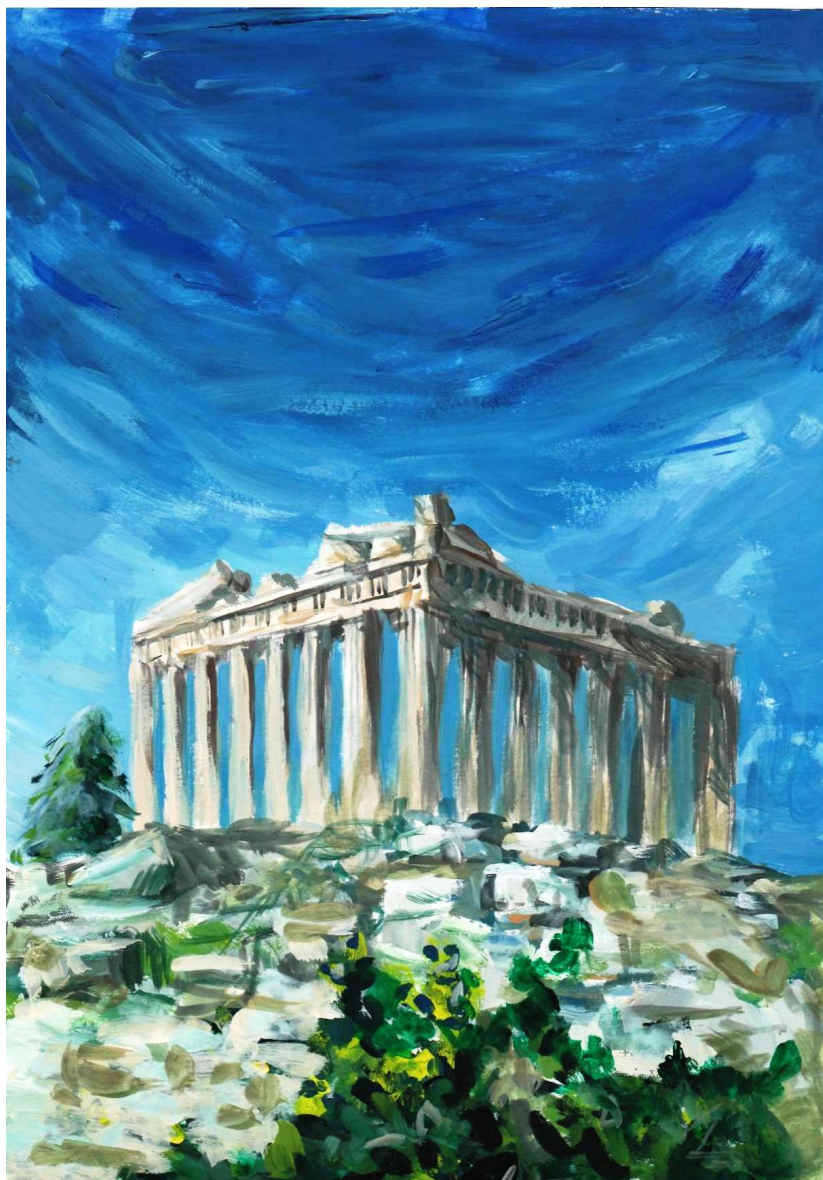
базарі, в ресторані – нема й годі! Уже без усякої надії зазирнула до кафе «Гаяне». Пам'ятаєте, було таке біля Будинку торгівлі? Зайшла – і бачу на полиці в барі лежить апельсин! Я до бармена: «Продайте, прошу!» «Ні», - відповідає він. Як тільки не просила, навколішки ставала – не продав.

Отак і не виконала я друге бабусине бажання. Повернулась додому як побита. Боялась, що попросить старенька апельсин. Дарма боялась – не попросила.

Якби мене спитали, за що я ненавиджу Радянський Союз, то відповіла б: «За помаранчі для Отилії, що так і не знайшла»

27 грудня 2017 р.

СТИХИ ИЗ АФИНСКОГО ЦИКЛА

***

Пусть купаюсь в Эгейском море
И еду, и питьё хвалю,
Только кажется мне, что вскоре
Я намылю себе петлю.
Здесь и пальма растёт, и тополь,
И лимон – вот он, рядом со сливой,
Но величественный Акрополь
Не сумел меня сделать счастливой.

Афины. 23.06.2001 г.

***

Когда-нибудь настанет день один,
Я навсегда уеду из Афин
И распрощаюсь, Греция, с тобой.
Здесь хорошо, но Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Афины. 3.07.2001 г.

***

Я вдома бути повинна восени,
А не далеко десь від України,
Щоб бачить, як жовтіють ясени
І червоніє кетяг горобини.

Афины. 2002 р.

СТИХИ ИЗ ПРАЖСКОГО ЦИКЛА

***

Волка я нашла, бредя на Запад.
Оглядела зверя не спеша:
Целы были все четыре лапы –
Оказалась сломанной душа.
Всюду ему чудились капканы,
Егеря да красные флажки,
Не хотел зализывать он раны,
Жадно пил и хлеб не брал с руки.
Как, библейских истин не нарушив,
Мне своим желаньям дать отпор?
Чем лечить ту сломанную душу?
Что мне делать с волком и с собой?

***

В низинах погулял мороз,
А на холмах тепло держалось.
Что не сложилось, не сбылось,
То в нашей памяти осталось.
Красоты заграничных мест...
Увы, какая это малость,
Когда не видишь синь небес,
Где твоё детство начиналось.

Прага.2006 г.

***

Подобна в Праге жизнь – отраве,
Но легче, если ловит взгляд,
Как по стальной октябрьской Влтаве
Неспешно лебеди скользят.
Как утки ссорятся, а чайки -
Открыто корм у них крадут.
А ну-ка, Влтава, отвечай-ка,
Как долго я пробуду тут?

***

Сетуешь, мол, тоска?
Не валяй дурака!
Все хорошо.
Пока.
Душа, говоришь, мается?
Ничего, оклемается.
Ты не знаешь, какая бывает тоска:
У тебя есть остров,
Над ним - птицы и облака,
И купить все можешь,
Даже в небе кусочек месяца.
А ты, как кость, себя гложешь,
Думая: «Вот прямо сейчас
пойти б и повеситься!»
Вот это –
ТОСКА!

19.08.2014 г. Barrandov

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

***

Опало листя, але є бруньки,
Тендітні ж, а морозу не бояться.
Що не змогли ні стовбур, ні гілки,
А їм то вдасться, дуже вірю: вдасться!
Хоч гайвороння буде їм кричати:
«Зима вас знищить, снігом занесе!»,
Бруньки уміють зим не помічати,
За це їм доля дозволяє все.
Нехай є листя, пагони і квіти,
Бруньки ж наївні, щирі, молоді.
Вони, як діти, українські діти,
Що мерзнуть, а протистоять біді.
У Києві, у Львові, на Майдані
Нам у Європу прокладають путь.
І вороги вже не скують кайданів,
Вовіки Україні вільній будь!

Грудень 2013 р.

НА СМЕРТЬ ПРИНЦЕСИ ДІАНИ

31 серпня, о четвертій, так рано,
Від життя круговерті утекли Ви, Діано.
Зухвала, тендітна, жіночна,
Та все ж ніде правдоньки діти:
Смерть матері – тяжкий злочин,
Коли залишаються діти.
Тікали від кореспондентів,
Щоб не було компроматів.
Краще хай би їм був прецедент той,
А сини б Ваші мали матір.

31 серпня 1997 р.

***

Я люблю подсолнухи,
Я люблю звоночки
И еще, конечно, милый Карлов мост.
Не люблю я олухов,
Над I ставить точки
И когда мне, Скорпиону,
Прищемляют хвост.
Я могу ужалить,
Я могу скандалить
И понятно, к миру будет путь не прост.
Но хочу, чтоб знали:
Лечит все печали
Бесконечно милый сердцу
Карлов мост.

***

Я вірю, що цигани були в роду моїм,
Шлях невідомий манить,
Лишаю отчий дім.
І доля мандрівная
Знов кличе в дальню путь.
До речі, помагає
Всі прикрощі забуть.
Хай завірюха виє,
У вікна загляда,
Ох, як я розумію
Вас, пан Сковорода!

12 грудня 2017 р.